

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА В КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

Р.Г. ЖИТКО (*Гродно, Беларусь*)

УДК 821.161.1-31(Пелевин В. О.)
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)63-8,44

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ И КОННОТАЦИЯ КАТЕГОРИИ ПУСТОТЫ В РОМАНЕ В.О. ПЕЛЕВИНА «t»

Аннотация: Статья посвящена исследованию и интерпретации сущности категории пустоты в романе В.О. Пелевина «t» в аспекте художественного воплощения и коннотации. Рассмотрена специфика взаимосвязи пустоты с постмодернистской категорией хаосмоса. Охарактеризована проблема соотношения реальности и псевдореальности в романе, а также роль пустоты в моделировании и онтологии «виртуальной», иллюзорной действительности. Проанализированы основные характерные особенности влияния идей гностической философии (в частности, мистических представлений о роли демиурга в судьбе и развитии вещественного, материального мира) на моделирование сюжетного и ценностного пространства данного художественного текста. Установлена также смысловая и ценностная взаимосвязь категории ничто/пустоты со спецификой т. наз. циклических мифологем, сущность которых заключается в актуализации мотива умирания и воскрешения мира либо божества. Выявлена общая коннотация категории ничто/пустоты в данном художественном тексте, связанная с определенным ценностным дуализмом: с одной стороны, пустота охарактеризована в качестве «проекции» иллюзорной псевдодействительности, с другой – в качестве метафоры потенциальности, свободного пространства для творческой активности. Кроме того, проанализирован и охарактеризован ряд образов, являющихся вариантами категории пустоты в данном художественном тексте (таких, как *пустыня, пустырь, Оптина Пустынь* и др.).

Ключевые слова: Виктор Пелевин, пустота, постмодернизм, хаосмос, Ничто.

В рамках современной литературной ситуации творчество Виктора Олеговича Пелевина, несомненно, занимает одну из ключевых по-

зиций. Романы, сочетающие элементы дзен-буддизма и мистики, яркую интертекстуальную игру, своеобразную художественную философию и образность массовой культуры, снискали уважение критики, получили немало значительных литературных премий и неизменно привлекают внимание читательской аудитории. Закономерен и широкий научный интерес к художественному миру данного автора.

Так, А. Генис считает Виктора Пелевина «наиболее характерным представителем собственно постсоветской словесности» [Генис 1997]. Исследователь отмечает «стратегическую новизну» прозы данного автора, определяя его в качестве одного из ключевых представителей русской литературы. С. Корнев ставит В.О. Пелевина в мировой литературе в один ряд с Х. Л. Борхесом, Х. Кортасаром, К. Кастанедой, отчасти с Ф. Кафкой и Г. Гессе: «Это доступная, увлекательная и предельно ясная философская проза с оттенком мистики и потусторонности, простая для восприятия и обладающая концентрированным содержанием» [Корнев 1997].

Не представляется спорным тот факт, что в художественном мире В.О. Пелевина исключительную важность и значимость имеет категория пустоты [Скоропанова 2001]. Наиболее известным произведением автора, активно использующим данную категорию в различных её аспектах, является роман «Чапаев и Пустота» (1994), однако подробный анализ творчества Виктора Пелевина позволяет выявить и иные тексты, где категория пустоты имеет не меньшую художественную значимость. Исключительный интерес в данном отношении представляет роман «t», впервые изданный в 2009 г.

Сюжет романа, в сущности, сводится к метафизическому духовному путешествию главного героя графа Т. в поисках «*Оптиной Пустыни*», причем очевидно, что в романном смысловом поле данный локус не тождественен реально существующему мужскому монастырю. Так, путь графа начинается, по сути, с философского вопроса о том, что именно представляет собой искомое место, какова его природа и каковы пути его достижения/постижения. По мере развития действия на духовные искания героя начинают оказывать влияние многие религиозные, философские и мистические учения (дзен-буддизм, гностицизм, идеи Владимира Соловьева, солипсизм и др.), вследствие чего у романной Оптиной Пустыни теряется коннотация пространственного локуса и появляется семантика «духовного состояния», которого необходимо достичь [Пелевин 2009: 303-304]. Синонимом данного состояния становится категория пустоты (как восточный символ просветленного сознания), и данное понятие крепко срастается по ходу сюжета с наименованием *Оптина Пустынь*. Главный герой (сперва

неосознанно, а затем вполне целенаправленно) стремится к внешней и внутренней гармонии, которую символизирует пустота (к примеру, в её восточной, дзен-буддистской коннотации).

Образными, зримыми инвариантами категории пустоты становятся *пустыня* и *пустырь*. Так, персонаж Кнопф, в беседе с графом Т. рассуждая о плюральности мира и человека, упоминает египетского фараона Эхнатона как «фараона-отступника, который перенес столицу в пустыню и первым в мире попытался уйти от многобожия» [Пелевин 2009: 120]. В данном случае образ «города в пустыне» (имеется в виду, очевидно, Ахетатон) символизирует монотеистическую концепцию бытия, связанную с идеей о «множественном единстве» мира, что сближает данную трактовку категории пустоты со спецификой постмодернистского хаосмоса. Кроме того, Кнопф упоминает, что после смерти Эхнатона его столица была разрушена и опустошена, что вновь подчеркивает своеобразную метафизическую «победу» пустоты/пустыни над начинанием правителя [Пелевин 2009: 120-121]. Характерно, что образ пустыни в романе достаточно неоднороден. Так, в ходе совместного мистического эксперимента ламы Джабмона и графа Т., в ходе которого граф должен был «увидеть мир глазами Достоевского», лама перечисляет возможные варианты того, что предстанет перед внутренним взором Т., называя в числе прочего «ледяную пустыню» [Пелевин 2009: 192]. Очевидно, что данный образ (наряду с иными перечисленными, среди которых «река огня» и «небесный сад»), предполагаемый ламой Джабмоном в качестве возможной формы мистического откровения, призван отражать внутреннюю, сущностную природу мира (в противовес его зримой, иллюзорной действительности). Необходимо заметить, что проблематика корреляции иллюзии и реальности представляется в творчестве В.О. Пелевина исключительно важной; так, О.В. Богданова, С.А. Кибальник и Л.В. Сафронова указывают на актуальность данной темы в романах Пелевина разных лет [Богданова, Кибальник, Сафронова 2008]. По замечанию же В. Пригодича, «Пелевин свято верует (не без пленительного плутовства) в тотальную иллюзорность реальности, в которой мы живем, а, точнее, полагаем, что живем» [Пригодич 2003].

Мотив «творения из пустоты» в очередной раз актуализирует в романе «f» персонаж Ариэль (именуемый также Ариэлем Эдмундовичем Брахманом, чье имя в выходных данных романа значится в траурной рамке в качестве литературного редактора текста), «демиург» и мнимый «соавтор» происходящего действия. Осмысляя сущность гностической трактовки образа демиурга, исследователь В.О. Кубышкина замечает: «Неявленному Богу противопоставлен Демиург, второсте-

пенная духовная сущность. Бренность земли – проекция слабости и несовершенства ее создателя. Ирония состоит в том, что Демиург, задумавший план мироустройства, не подозревает о небесной иерархии и, оказавшись в пустоте (*кеноме*, нижней границе Вселенной, по гностикам), мнит себя Истинным Творцом» [Кубышкина 2015]. В романе «t» демиург неоднократно контактирует со своим «главным героем» графом Т., излагает ему свою плюральную концепцию мира (согласно которой человека в разные моменты «сочиняют разные боги»), а также поясняет графу специфику хода работы над сюжетом, в котором сам Т. задействован как персонаж. В частности, Ариэль ссылается на «тибетских лам», ведущих себя так, будто «палатку на пустыре открыли», в связи с чем в сюжетное поле произведения с участием графа Т. необходимо ввести «наезд на тибетский буддизм» [Пелевин 2009: 259]. Упомянутая «палатка на пустыре», в сущности, становится аллегорическим воплощением деятельности сознания «на *пустом* месте», проекцией акта мышления в качестве акта творения. В сущности, сам Т. сообщает Ариэлю его могущество, посредством веры в то, что тот является демиургом. Однако когда открывается истина, Ариэль теряет силу, уравниваясь в творческих возможностях с самим графом Т. «Бытие действительно, лишь если кем-то осознается. Поэтому-то Создателю и нужен сознающий человек» [Кубышкина 2015]. Данное обстоятельство выводит графа Т. из роли созерцателя и делает его даже не сотворцом, а практически единовластным творцом всего сущего (и творцом самого себя, в частности). По сути, в романе «t» «вочеловечивание» Ариэля необходимо, чтобы начать диалог с главным героем – графом Т., который является ключом к спасению: принесение Т. в жертву древнему божеству должно завершить мировой цикл [Кубышкина 2015]. Это явление восходит к универсальной мифологеме о цикличности мира, представленной в образе умирающего и воскрешающего божества, согласно которой символическая смерть и возрождение дают начало новому витку вселенского развития [Саенко 2010]. Момент умирания (небытия) как в пространстве мифа, так и в сюжете романа «t» олицетворяется пустотой.

Кроме того, сам граф Т. в определенный момент становится создателем мира, окружающего героя. Т., умерев и воскресая из мертвых, прежде чем вернуться в мир, полностью создает его из ничего, из пустоты: «Т. пришел в себя. И сразу же понял, что напрасно это сделал – вокруг ничего не было» [Пелевин 2009: 156]. Кенома, пустота – точка отсчета для записи нового бытия, это перспектива возможностей, среды которых следует выбрать единственно правильную для существования идеального мира [Кубышкина 2015]. «Зримый» образ окружаю-

щей героя пустоты представлен абсолютной чернотой, где буквально «не видно ни зги», и герой посредством акта творения «заполняет» эту пустоту, «сочиняя» весь окружающий мир. У пустоты открывается потенциал для заполнения – и, следовательно, появляется определенная положительная коннотация. Как отмечает В.О. Кубышкина, в случае с современным произведением классическая метафора буквализируется в соответствии с законами постмодернизма, один из которых – представление Ж. Деррида о мире как тексте. В романе «†» эта мысль прямо озвучивается: «Я начал создавать мир как текст», т.е. то, что написано – единственно существующее [Кубышкина 2015]. Здесь еще более очевидной становится параллель данного явления с гностическим образом демиурга, для которого, как мы видим в романе «†», всё сущее предстаёт лишь процессом его «творчества» [Кабанова 2011]. Очевидно, что в данном аспекте обыгрывается одна из ярчайших черт постмодернистского художественного творчества, когда фактически стирается любое различие между текстовой и внетекстовой действительностью, преодолевается граница между творчеством и бытием. Иными словами, «художественное время романа "†" – это длительность создания данного текста, затраченное на его прочтение; пространство – художественное пространство, обнажающее свою литературную сконструированность» [Кабанова 2011]. Структура процесса творчества и рецепции проявлена здесь наиболее наглядно. Помимо этого, В.О. Пелевина интересует «власть героя над собой и своей реальностью» [Липовецкий 2010].

Тем не менее, в романе содержится прямое указание на иллюзорность любого языкового творчества, что служит отсылкой к идее об иллюзорности сознания как такового (эта мысль в значительной степени свойственна многим произведениям В.О. Пелевина). Данное замечание вполне гармонично согласуется как с дзен-буддистским, так и с постмодернистским аспектом романа «†». Так, лама Джамбон определяет это обстоятельство следующим образом: «Слова – очень древний инструмент, – сказал он. – Их появление вызвано тем, что так было удобнее охотиться на крупных зверей. Я могу сказать – «рука, дубина, мамонт». И вот, пожалуйста, дубину действительно можно взять в руку и дать ей мамонту по морде. Но когда мы говорим «я», «эго», «душа», «ум», «дао», «бог», «пустота», «абсолют» – все это слова-призраки. У них нет никаких конкретных соответствий в реальности, это просто способ организовать нашу умственную энергию в вихрь определенной формы» [Пелевин 2009: 308]. Вследствие этого неизбежно возникает явление неопределенности, плюральности мира, когда внутренняя пустота явления может быть заполнена не одним неиз-

менным значением, а множеством семантических вариаций. Рассуждая о множественности и неопределенности человека (как и любого иного предмета), герои приходят к мысли, что «сам по себе человек не более переменчив, чем пустой гостиничный номер. Просто в разное время его населяют разные постояльцы» [Пелевин 2009: 308]. Пустота (как внутренняя сущность), таким образом, имеет перспективу заполнения любым значением, что создает неизбежность плюральности возможных точек зрения на мир и иллюзорности любой из них. Иными словами, граф Т. «учится создавать свою собственную реальность, открывая дверь из псевдореальности безличных фантазмов в реальность личной свободы» [Липовецкий 2010]. Это позволяет герою осуществить своеобразный «побег» из реального мира в мир иллюзорный, в связи с чем исследователем М. Липовецким особо подчёркивается мотив эскапизма, актуализированный в романе «т». С этим фактом согласуется и замечание Д. Быкова об особой значимости в художественном мире В. Пелевина мотива бегства, пути из духовного кризиса: по мнению исследователя, этот мотив воплощается и подчёркивается именно с помощью категории пустоты [Быков 1996]. Свойственная Виктору Пелевину тематика иллюзорности/«виртуальности» и её корреляции с сознанием, на которую указывал и А. Архангельский, получает, таким образом, дальнейшее развитие [Архангельский 1999]. Затем коннотация пустоты в романе еще более сближается с восточным её истолкованием, параллельно с этим главный герой постепенно знакомится с учениями, рассматривающими и интерпретирующими пустоту. Как объясняет графу Т. лама Джамбон: «..сначала ламы объясняют ученику философскую категорию "пустотности". Потом учат видеть пустую природу переходящих вещей. Затем объясняют, что пустота ума подобна сознающему пространству, и так далее. И через некоторое время эти умственные построения настолько сжимаются во времени, что начинают напоминать непосредственное восприятие – как говорят сами ламы, “надуманное становится ненадуманным”. Это у них и называется непосредственным переживанием истины» [Пелевин 2009: 303]. Следовательно, своеобразным итогом духовного пути графа Т. в Оптину Пустынь становится обретение внутренней гармонии, связанное с постижением «пустой сущности» всех явлений мира; следуя по этому пути, герой трансформирует собственное сознание, обнаруживает себя субъектом и творцом. Граф Т. в конечном счете узнаёт следующую философскую интерпретацию того духовного состояния, к которому он стремился: «“Оптина” происходит от латинского глагола “optare” – “выбирать, желать”. Здесь важны коннотации, указывающие на бесконечный ряд возможностей. Ну а “Пустынь” – это пустота, куда же без

нее. Сколько здесь открывается смыслов...» [Пелевин 2009: 308]. Оригинальное истолкование данного названия персонажами романа раскрывает сущность философских исканий главного героя: пустота становится олицетворением «освобождённого духа», самодостаточного в своей онтологии и имеющего потенциал активного творческого действия. Установка на сосуществование множественности смыслов пустоты здесь коррелирует и с постмодернистской художественной парадигмой [Липовецкий 2001]. В сущности, плюральное видение мира, свойственное постмодернистской художественной философии, является одним из важнейших факторов творческой свободы.

Практически прямое указание на завершение духовного странствия графа Т. и на метафизическое обретение им сакральной Оптиной Пустыни содержит стихотворный текст, включенный в финальную часть романа:

«Как на закате времени Господь выходят Втроем
Спеть о судьбе творения, совершившего полный круг.
Кладбище музейного кладбища тянется за пустырем
И после долгой практики превращается просто в луг»

[Пелевин 2009: 308].

Цикл бытия, таким образом, замыкается: творение отождествляется и сливается со своим творцом, и из *Ничто* (пустоты) проявляется *Нечто*. Осознав собственную природу, граф Т. фактически становится единственным автором, сочиняющим самого себя «из пустоты», у которой в связи с этим появляется семантика «свободного места» для творчества.

На основании вышесказанного представляется возможным заключить, что художественная категория пустоты в романе В.О. Пелевина «t» предстает в различных аспектах своей коннотации (в дзен-буддистском, гностическом, мифологическом осмыслении) и актуализирует широкую систему образов и мотивов. Так, в структуре романа появляются мотивы сакрального творения, освобождения сознания, «сочинения» мира-текста, духовного самосовершенствования и др. Пустота принимает функцию аллегии хаотического, иллюзорного мира – и вместе с тем олицетворяет собой достижение итогов духовного развития человека, открывшего истинную сущность любой действительности.

ЛИТЕРАТУРА

Андреева, И.С. Постмодернизм в русской литературе / И.С. Андреева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fege.narod.ru/librarium/andreeva.htm> – Дата доступа: 15.03.2016.

Архангельский, А. Пелевин система зеркал / А. Архангельский [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://pelevin.nov.ru/stati/ostist/1.html> – Дата доступа: 24.05.2016.

Богданова, О.В., Кибальник, С.А., Сафронова, Л.В. Литературные стратегии Виктора Пелевина / О.В. Богданова, С.А. Кибальник, Л.В. Сафронова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nlcg.spb.ru/book/-Literaturnye-strategii-Viktora-Pelevina.html> – Дата доступа: 24.05.2016.

Быков, Д. Побег в Монголию / Д. Быков [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-dva/1.html> – Дата доступа: 24.05.2016.

Генис А. Беседа десятая: Поле чудес. Виктор Пелевин / А. Генис // Звезда. – 1997. – №12. – С. 230-233.

Кабанова, И.В. Троица по Пелевину: автор-герой-читатель в романе «t» / И.В. Кабанова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/troitsa-po-pelevinu-avtor-geroy-chitatel-v-romane-t> – Дата доступа: 16.03.2016.

Корнев, С. Столкновение пустот: может ли постмодернизм быть русским и классическим / С. Корнев // Новое лит. обозрение. – 1997. – №28. – С. 244-259.

Кубышкина, В.О. Трансформация образа гностического демиурга в романе В. Пелевина «t» / В.О. Кубышкина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20371> – Дата доступа: 16.03.2016.

Липовецкий, М.Н. Критерий пустоты / М.Н. Липовецкий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/ural/2001/7/lipov.html> – Дата доступа: 11.03.2016.

Липовецкий, М.Н. Три карты побега / М.Н. Липовецкий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://os.colta.ru/literature/projects/13073/details/15612/> – Дата доступа: 24.05.2016.

Пелевин, В.О. t / В.О. Пелевин. – М.: Эксмо, 2009. – 384 с.

Пригодич, В. Новый Пелевин, старый Лао-цзы, или Вечный Путь. Заметка первая / В. Пригодич [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-prgd/1.html> – Дата доступа: 24.05.2016.

Саенко, Н.Р. Онтологическая поэтика пустоты / Н.Р. Саенко [Электронный ресурс]. <http://www.monographies.ru/ru/book/view?id=78> – Режим доступа: – Дата доступа: 17.08.2016.

Скоропанова, И.С. Русская постмодернистская литература / И.С. Скоропанова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://yanko.lib.ru/books/cultur/skoropanova-russ-postmodern-lit.htm#_Toc15730351 – Дата доступа: 26.02.2016.